

Победитель
читательского
голосования
премии
«БОЛЬШАЯ КНИГА»

МАЙЯ КУЧЕРСКАЯ

Плач

ПО УЕХАВШЕЙ УЧИТЕЛЬНИЦЕ РИСОВАНИЯ

Майя Александровна Кучерская
Плач по уехавшей учительнице
рисования (сборник)

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6694712

Плач по уехавшей учительнице рисования: АСТ; М.; 2014

ISBN 978-5-17-083872-1

Аннотация

Майя Кучерская – прозаик, филолог, преподаватель русской литературы в Высшей школе экономики. Ее последняя книга «Тетя Мотя» спровоцировала оживленную дискуссию о современном семейном романе и победила в читательском голосовании премии «БОЛЬШАЯ КНИГА».

«Плач по уехавшей учительнице рисования» – это драматичные истории о том, как побороть тьму внутри себя. Персонажи самого разного толка – студентка-эмигрантка, монах-расстрига, молодая мать, мальчик-сирота – застигнуты в момент жизненного перелома. Исход неизвестен, но это не лишает героев чувства юмора и надежды на то, что им всё же удастся пройти по воде, станцевать на крыше и вырастить дерево из музыки Баха.

Содержание

NOSTALGIA[1]	4
КУКУША	9
ХИМИЯ «ЖДУ»	17
СРЕДНЕСТАТИСТИЧЕСКОЕ ЛИЦО	28
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Майя Кучерская

Плач по уехавшей учительнице рисования

NOSTALGIA¹

*почему уж так
потому что
у нас
Родина
а у них что*
Всеволод Некрасов

1. Один человек был сумашедший. – Ну и что? Сейчас все – сумашедшие. – И то правда.

2. Один человек, Костиком звали, захотел попить пивка. Выходит это на улицу. – Да то шас пиво пьет? – Что такое? – Да шчас только джин с тоником. – И то правда.

3. Как Ольга Тимофеевна исправила воров

Одна женщина, Ольга Петровна звали, как-то пошла в туалет. Сходила, возвращается – а из комнаты все вынесли. Ни стульев, ни столов, ни серванта. Ни ваз. Что это? – думает, а я даже ничего не слышала. И купила себе мебель новую, слуховой аппарат с розовой проводочкой – идет опять в туалет – теперь думает, дверь не буду запираеть на задвижечку, чтобы все видеть. Бац. В окно вор залезает. А Ольге Тимофеевне, или как ее там, стыдно же, что она в туалете. А вор-то на то и рассчитывал. Ну, не из туалета же ему кричать «шчас задам тебе, не воруй!». А вор на это и рассчитывал – опять все украл. Тогда Ольга Тимофеевна сходила в ЖЭК и там устроила скандал. Вы тут сидити не чешетесь, а меня второй раз обворовывают, а я, между прочим, ветеран Великой войны. В ЖЭКе испугались ее крика и топота – переселили ее с первого этажа на второй, да того не учли, что на второй этаж можно залезть с подъезда крыши. Ее как раз в прошлом году заасфальтировали, чтобы на ней удобнее было стоять. Но Ольга Тимофеевна, не будь дурочка, тоже всему научилась – призвала плотника, к окну приделала ставни крепкие деревянные, как куда уходит – в магазин там или сами понимаете куда еще – так ставни и запирает. На замок, в «Сделай сам» купила, на распродаже. А иногда так и сидит в темноте, тоже туда-сюда открывать не набегаешься. А вора чем питаться теперь, чем себя обеспечивать? А пусть на работу устраиваются.

4. Однажды в совхоз крокодила привезли. Вроде б зачем в совхозе крокодил? А пусть, думают, будет. Устроили ему уголок редких животных, индивидуальный, а ты как думаешь. Разместили в школе поближе к кабинету зоологии. Зоолога-то не любили, он ветеринаром по совместительству работал, коров морил только так. И не только, что самое интересное совхозных, но и из частных, проще говоря, владений. Только долго-то он на наших харчах не протянул, помер. Да крокодил! Что поделаешь – позвали это директора – он освидетельствовал, акт оформил, потом зоолог пришел, чего-то с химиком похимичили, да с Степанычем, говорю же, с хи-ми-ком. Крокодила на доске растянули, чем-то там таким его сверху посы-

¹ Орфография и пунктуация – авторские.

пали, четыре дня в школу было не войти, даже занятия отменили. А как высохло – ранцев для ребятешек наделали, так что и волки сыты, и овцы целы. Вот и я говорю.

5. Одному человеку, Алеше Григорьеву, захотелось девочку – ухаживать, цветы там, танцы, семечки, киношка. Не за горами и свадьба. Только Алеша без ноги был – девочкам не нравился. Съездил тогда Лексеич наш в больницу областную и привез протез себе, да не такой-сякой, а пластмассовый, легкий, чуть не со знаком качества – как раз гуманитарная помощь пришла от Клинтона. Все давно разобрали, и бинты, и лекарства, и шприцы одноразовые, а протез, да вроде кому и нужен, так и лежал в кабинете заведующего отделением. А тут и Алеша – пообещал, чего след, тот и отдал. Стал наш Лексеич с двумя ногами ходить – парень хоть куда. Но все ж знали: нога-то... бразильская, ненастоящая. И Алешу все-таки отвергали. Только горевал он не долго, поехал снова в область, до города доехал, протез по дороге выкинул, ножонку эту свою страшную пообнажил, сидит посреди базарной площади. «Люди добрые, помогите инвалиду далекой афганской войны». И что вы думаете, многие подавали, жалели юношу. А милиция даже трогать его не смела. Так и стал наш Алешка богатым человеком, «Форд-фокус» себе купил, в Москву переехал – тут и от девочек отбоя нет, каждая норовит, а он уже перегорел как-то, что, говорит, девочки, лучше душу буду спасать свою сожженную. Так и живет одиноким мужчиною в двухкомнатной квартире на Бауманской, в церковь как на работу, существует на пенсию, а как загрустит или что еще – едет в родной город, посидеть на базарной площади, поглядеть-послушать, нет, не для денег уже, кто ее уже помнит, эту войну... Ностальгия, говорит, вот и это.

6. Ни в сказке сказать

Одной бабе захотелось ребенка – рожу, думает, себе девочку, навяжу ей бантики, и мне утешение, и людям радость. Год проходит, другой на исходе. А что-то все никто не подворачивается. Стала баба сама ко всем клеиться – этому подмигнет, тому подкивнет. И ничего – клевали. Да только ребеночка все не выходило, мужик-то нервный пошел, горьким опытом на-ученный, думали, привязать к себе хочет, женить, а какой женить, когда самим жрать нечего, сахар вон стали даже по карточкам, да и старая такая кому ж нужна. Баба-то уже была в возрасте – 42 года. Расстроилась она тогда, платочек материн еще повязала, села у окошечка, ручкой щеку подперла.

– Горе ты мое, горюшко, горюшко проклятое. Несчастливица я, неродивица, сиротинушка одна в полюшке, а и отец-то мой во сырой земле, рядом спит родимая матушка. Помогите вы мне, ветры буйные, укрепите меня, светлы светлые, подсобите мне, ночки темные, унесите мое горе-горькое, разожгите вы жарче пламени сердце добра молодца безымянного по мне горемычной по красной девице...

Так все это на одном дыхании и ноет. А на третьем этаже профессор жил, Олег Осипович – как раз форточку только начал открывать, слышит: поет вроде кто. Вот так эх, говорит, какое причитание! Микрофон на улицу выставил – стал это дело на магнитофон записывать. Надо же, в нашем городе и такая жемчужина народного творчества. У него эти песни самые специальность была, в университете.

Записывает, а сам думает: «Может, в гости зайти, что за диво такое да еще с дивным голосом?» Постучался, баба ему и открыла, а он ноги вытер, лысинку причесал, все поинтеллигентному так, чайку попить с медом не отказался, травли-вали, – поведала ему баба свое горе-горькое, уже без причитаний. Профессор все снова внимательно выслушал, человек был принципиальный, сразу ей предложение сделал. Баба обрадовалась! Постирала все у себя дома, почистила, отыграли тихую свадьбу, да и зажили душа в душу. Профессор хоть и старый был, а обходительный, все пытался молодую жену на мысль натолкнуть, чтобы еще ему спела какое причитание, а она рада бы, но с радости-то, какие уж там причитания. Горя,

говорит, нету у меня теперь, на всем готовеньком, что и выть по-напрасному, гневить только Бога. Согласился профессор, что и не одна она теперь, и во всем обеспеченная, все при ней, и квартира трехкомнатная, и вторая на сдачу, и телевизор, и муж нареченный под бочком. А ребенок, да вроде и расхотелось ей. Стала о профессоре заботиться, вроде и отлегло, ему стала отдавать женскую эту свою ласку, а он хоть и старенький у ней был, 82 года, а ничего еще крепкий, мужик был хоть куда. Много еще открытий сделал потом в фольклористике.

7. Из жизни Федора Михайловича Достоевского

Один юноша захотел покончить жизнь само-убийством, расстроился что-то так, невеста не дождалась из армии или что. Что, думает, дальше-то жить, только кислород на земле понапрасну тратить, уйду-ка лучше из жизни, как Родион Романович Раскольников. Ну, взял пистолет, за стеной дружок его, Витька Парашенко, мафиози был, людей за квартиры гасил за доллары, две бабуси – пол-лимона, хвастался, и дал ему пистолет. У меня таких, говорит, посмотри целая коллекция, и ногой под кровать кивает. А пули не положил, забыл или посмеяться решил, сюда, говорит, жми. Ну, Модест прибежал домой, шварк, значит, шварк, и туда жмет, и сюда, глядь: пули-то нету. Разозлился просто как бешенный, к Витьке приходит опять, долго говорить не стал, раз в морду ему. А тот трус да и под мухой был, смеется только, иди, говорит, ко мне в бригаду, парень ты, вижу, крепкий, самостоятельный, нам такие нужны. К себе, значит, зовет его, в компанию. Почесал Модест Иванович в затылке, он вообще-то не сразу соображал иногда, да как заорет минут через десять, весь красный такой, до того озлобленный. Сам, говорит, гаси, мать твоя честная женщина, сам гаси своих Арин Родионовен, а я тебе не Родион Раскольников. И расстроился до того, что даже в милицию хотел пойти следствием ведут знатоки работать, да какая уж там милиция. На филологический пошел, в пед, там мальчиков без экзаменов брали.

8. Одна одинокая немолодая женщина хотела душевного покоя. Сидит это себе дома и хочет. Пожалуй, дождешься, пойду-ка лучше в магазин схожу, говорит себе, а то под лежащий камень вода не течет. Купила себе сыру российского, в мелкую, еле разглядишь, дырочку, дольки лимонные сахарные, массу сырковую с изюмом, хлеба черного, бородинского, съела все до последней крошечки, спать вроде захотелось. А тоже ничего, не грех и поспать иногда. Ну, что покоя, что покоя, че ты нудный такой, кто его видел-то. Да вот так и легла спать, одеялом накрылась, свет потушила, зато не на голодный желудок – или мало тебе?

9. Нет, а снега-то в тот год навалило. И до того пушистый да белый, да рассыпчатый! Сугробы чуть не в дом, уж мы его чистили-чистили, уж думали, никогда он, проклятый, не кончится, а он все опять, и валит, и валит, даже Михеич наш пожалел нас, дал трактор, а никакой его не брал и трактор, хорошо хоть весна потом наступила.

10. Одна бабка хорошо помидоры закручивала. В банки такие стеклянные, сверху крышку железную, и хоть ты что. Всю зиму стояли как миленькие. Не лопались. А как-то раз решила, что пора ей освоить новую квалификацию, капустки нарубить себе квашеной. Надела пальто, платок шерстяной, серый, сапоги на лебяжьем пуху, в магазин приходит – а там очередь, на три кассы одна кассирша. Отстояла бабуся в очереди, приносит домой капусту, а в капусте ребенок. Бабка так и ахнула. Руками завсплескивала – тьфу ты, кого ж это Бог мне послал, прости Господи. Надо его в детский дом нести, а я-то куда, старая, на тот свет собравшись, как и поднять его. А ребенок ничего себе – ножками сучит, пищит, молочка просит. Ну, бабка воду подогрела, молоко из холодильника разбавила, сквозь тряпочку покормила его, покачала, ребенок чмок-чмок, похныкал, поделал свои дела, бабка

его вымыла, в простынь обернула, он и успокоился, уснул. Тут и милиция пришла, этого ребеночка уже ищут.

– У тебя, – спрашивают, – ребеночек?

– У меня, говорит, а сама плачет. Вроде и жалко отдавать в чужие руки.

– Ты, бабушка, лучше не плачь, чтобы мы тебя не арестовали. Ты старая, завтра на тот свет отправисся, ну, куды тебе ребеночек? а мы ему родителей найдем, а не найдем, так сами на ноги поднимем, образование дадим.

Так и забрали. Мальчик был, может, в магазине кто случайно оставил.

11. Один дедок тогось был, юродивый. Ходил небритый совсем, пахнул, как когда никогда не моются, все бывало крестится, собирает, где побольше народу, копеечки. Да сейчас какие копеечки, сейчас давно уже в фунтах стерлингах. Ты чево мелешь-то? И то правда.

12. На берегу пустынных волн стояла маленькая хижина. В зиму-то никто в ней не жил, а летом много набивалось – с Москвы, что ли, с института какого-то, забыл уж, как он там называется. Один там у них был веселый самый. На писателей, говорил, учимся, это кто хреновню всякую пишет, слышал, может? Это на журналистов, что ли? Да нет, говорит, еще хуже. Ничего, ребята были веселые, только самый веселый-то утонул потом. Из-за бабы, штоль, поплыл ей показать, как хорошо плавает, а силы не рассчитал. Не доплыл до берега. Он, когда не сильно пьяный, пел, песни хорошо пел, и русские, и нерусские, грузин был, и звали как-то смешно, Окуджава, штоль.

13. Одна, короче, была девушка, хотела купить себе зонтик с дырочками. На ножках такой, как у Гурченки. Вчера по телевизору показывали. Да какой Гурченки, Гурченке давно за 80, это за нее дочка ее гримируется. Не знал, штоль? А где тогда Гурченка? Где, где, сам, штоли, не понял? Ну, пошли за угол, я те у Нинки покажу, из Соликамска, вчера, говорит, приехала, на заработки, вот и посмотришь.

14. Одна женщина проституцией зарабатывала, при ресторане «Терция», Аннушкой звали. Коса белая, толстая, и сама здоровая, веселая, сразу видно, не из городских. В русском стиле работала. И когда хотела, сладкая у ней была, не оторовешься прям, говорили так, а ты молчи. И вить сколько замуж ее звали, и на иномарках, и попроще, молодая ж была, красивая, а не шла. За клиентов не пойду, говорит, вот заработаю побольше и уеду. Чтоб никто потом не знал про мое черное прошлое да всю жизнь попрекал, этого нам не надо. Ну, а пригрели ее свои же бабы, подговорили кого из ревности, она-то торопилась больно, вот полгода еще, говорит, поработаю и уйду от вас, каплю совсем не хватает. И не давала другим житья, всех себе забирала, бывало, и по трое в одну комнату, и шли, што ты думаешь. Ну, в темном дворике и приласкали ее ножичком, аж с росписью, как непутевую какую, свои же товарки. Ты сопли-то что распустил? – А за такие слова в морду.

15. Один человек любил другого. И было у них все хорошо. А потом раз! и кончилось понимание. Пришлось расстаться.

16. Петя Голиков построил у себя дома модель одного волшебного города, где все хорошо, ну просто как у людей, не учел только отдельные архитектурные подробности, вот все и повалилось. Это ты к чему? А не поняла, так поди попей водички.

17. Юрий Михайлович Лотман-то! Опять пешком гуляет по городу, а с двух до трех в парке, по аллее, а потом отдыхает на лавочке. В синем галстуке, с тросточкой, весь такой

усатый и праздничный. Нет, без Зары Григорьевны. Все с ним опять здороваются, всё зовут прочитать еще лекцию.

– Юрий Михайлович, может быть, тряхнете стариной, прочитаете нам еще лекцию? Про поэтику какую-нибудь там про знаковую? Про семиотику?

А он смеется и только руками машет. Нет уж, говорит, я теперь на пенсии, тем более и семиотики-то никакой нет. Это мне там, на том свете, в Царствии Небесном, и пальчиком наверх показывает, рассказали по большому секрету. И я тому верю.

– Да как же, Юрий Михайлович, по закону-то вы же были неверующий, как же вас допустили разве в такое Царствие?

А он хитрый стал, под усами опять улыбается да и говорит:

– Там законов-то нет, одни только милости.

18. Да что Лотман, вчера в консерватории на концерте Брежнева видели – сидит такой в ложе, с бровями, посапывает. Ну разбудили его, растолкали, хотя и вежливо. Вы, говорят, Леонид Ильич, может быть, домой хотите? Отдохнуть немножко, расслабиться. Нет, говорит, это меня сюда специально отпустили послушать музыку, за то, что я все-таки был добрый.

19. В густом пахучем орешнике ветки уже тяжелые, рядом земляника на землю аж валится, лисички высыпали, медведь рычит, небушко до того синее, а по нем облачка ползут, белые-белые. – Да пошел ты! – Чего? – Рыбой пахнешь.

20. Где это ты так поцарапалась? – Ничего, пройдет, на мне ж все как на кошке. – Да уж, как говорится, дал Бог здоровья, да денег нет. – Типун тебе на язык, Рая.

21. Погуляли, нечего говорить, на славу, до сих пор по углам собираю. Нет, а ему-то что делается, ему хоть кол на голове чеши – все как об стенку горох.

22. В одном грязном-прегрязном городе на грязном-прегрязном вокзале в грязном-прегрязном зале ожидания на грязном полу в грязной-прегрязной луже лежал грязный мешок, похожий на человека. Из него торчала грязная голова, грязные ноги и одна рука. Он крепко спал.

Подходит к нему христианин: эй, ты жив? И будит проверить. Вот и я говорю, поспать человеку не дают. Да нет, что вы, он не проснулся даже, не шевельнулся никак, словом сказать, ушел христосик ни солонина хлебавши. Тут этот чумазый и проснулся. Глаз открыл, а он голубой.

Лос-Анджелес, 1995

КУКУША

Всем самовольно живот свой скончавшим

Звонок не работал, она нажала на дверь ладонью, дверь поддалась, крикнула: «Привет!» Гриша выскочил в коридор из боковой комнаты. Резко, громко засмеялся. Своим новым, настоящим на бесполезных травах смехом.

Он стоял перед ней в пестром цветном платке, круглые красные маки, зеленые листья летели по черному фону, в ядовито-оранжевой, какой-то нездешней рубашке, видимо, трусах. Трусов видно не было, рубашка свешивалась совсем низко, из-под нее торчали голые ноги и детские круглые коленки. Гриша был страшно весел и возбужден.

Вслед за ним так же быстро и резко из комнаты вынырнул другой человек. Молодой паренек, длинный, смуглый, с редкой, кустиками торчащей бородкой, тоже в рубашке по колено, синей в желтый горох, в бандане с черепашками, с таким же нервным и хохочущим взглядом. Оба они слегка подсакивали. Словно бы не могли устоять и танцевали под неслышимую ей музыку. И оба чуть-чуть подсмеивались. Им явно нравилось, как они прикольно одеты и что она на них внимательно смотрит. На их коленки. Но она смотрела недолго.

Из квартиры дохнуло паром, густым белым паром кошмара, толкнувшим в грудь, спеленавшим и сжавшим сердце. Она покачнулась, отступила назад и прижалась спиной к двери. Вот тебе пакетик, роял-чизбургер, детская картошка, стакан с кока-колой, все, как ты сказал. Смуглый парень в заказе отчего-то учтен не был.

Гриша заглянул во влажный бумажный пакет, вынул желтую картофелинку и тут же скорбно поднял брови, произнес нараспев, помахивая ею, как дирижерской палочкой: «Картошка-то уже остыла». Прости! Но я слишком много времени провела в твоём лифте.

Она вошла в лифт, нажала кнопку. Двери сдвинулись, но свет тут же погас. Лифт никуда не поехал. Она понажимала на разные кнопки еще – без толку. Застряла! Первый раз в жизни. Ей стало смешно. Она снова начала нажимать на все подряд, сверху вниз, снизу вверх, наконец что-то негромко загудело, и стенка заговорила грубым женским голосом: «Что у вас там опять?» «У нас опять застревание», – сказала она и засмеялась. Голос за постепенно проступившей сквозь тьму железной сеточкой панели тяжко, по-лошадиному вздохнул и пообещал прислать механика. «Когда?» – «Ждите». Диспетчер отключилась.

Но вот прошло уже десять (пятнадцать?) минут, а механик все не приходил. Ей было уже не смешно. Сытный сырой запах макдоналдской картошки, слегка разбавленный идущим из подъезда запахом кошачьей мочи, заволок пространство кабины. Было темно и тихо. Нужно было срочно позвонить Сене. Она снова и снова ощупывала карманы, хотя давно поняла, что мобильник остался на сиденье машины: телефон почти разрядился, и она поставила его на подзарядку. Да так там и забыла. В машине остался и Сеня, ее муж, он отказался идти к Грише наотрез, потому что был тот самый муж, который не ходит на совет нечестивых. Но Сеня никогда и не знал того Гришу, которого знала она, строгого мальчика в очках, с мягкими, отливающими светлым золотом кудрями, никогда не видел, как он сидит на первой парте в левом ряду, недовольно смотрит на доску, что-то быстро и сосредоточенно пишет. И она пошла к Грише одна, буквально на минутку, только отдать пакет. А лифт застрял.

Она снова нажала на кнопку и услышала все такое же грубое, теперь уже почти развязное: «Идет уже, сейчас».

Почему же лифт не поехал? Почему тут же погас и даже не подумал отправиться на шестой этаж? Но может быть, это не лифт, это Бог так говорит ей, что Он против? Что Ему совсем не хочется, чтобы она ехала к Грише. Потому что в этом нет никакого смысла.

Снаружи с железным лязгом хлопнула входная дверь. Сеня? Раздался шуршащий ритмичный шум. Шарк-шарк, стук. Шарк-шарк, стук. Она припала к тоненькой прорезиненной щели между сжатыми дверями – к лифту подходила старушка с палкой, в белом платке, плаще, с небольшой сумкой. Из сумки торчал уголок черной буханки. Бабушка явно возвращалась из магазина. Подошла к лифту, нажала на кнопку.

– Он сломан! Лифт сломался, а я в нем сижу! – закричала я. И снова засмеялась.

– Вы в какую квартиру? Может, позвать их на помощь? – довольно дружелюбно откликнулась бабушка.

– Бесполезно. Они вряд ли придут. Сейчас механик меня спасет, я уже вызвала.

– А в квартиру-то вы в какую-у-ю? – снова спросила бабушка. – Номер какой?

Похоже, она умирала от любопытства.

– В сорок девятую.

– А. К Григорию, – протянула бабуля. – Этого Григорья удавить мало.

– Почему? – я все так же кричала. Мне казалось, из лифта меня не слышно. И еще мне просто хотелось поговорить с ней; за что она хочет удавить Григорья, я и так примерно знала.

– Бомжи ходят, – потекли объяснения. – На лестнице кучи. И лужи. Уж и в милицию его два раза забирали.

Бабушка замолчала, а я думала, что же, что мне сказать в Гришино оправдание... Но так ничего и не придумала.

– Ладно, пойду позвоню в диспетчерскую, чтоб поскорей пришли.

Кажется, она простила мне Григорья и снова устучала на улицу. Наверх, видимо, решила пока не подниматься. Только вот откуда же она будет звонить?

Механик все не шел, и от скуки, но больше, чтобы отвлечься и не думать о Сене, который ждет меня в десяти метрах на улице и уверен, что вот-вот я вернусь, вот-вот, а меня все нет, я вспоминала, как совсем недавно, недели три назад, Гриша заезжал к нам в гости, взять денег и попрощаться навсегда. Сени тогда, слава богу, не было дома. Гриша уходил в подполье. На шее у него висели длинные разноцветные бусы: «четки» – объяснил Гриша. А за руку Гриша держал девочку, совсем юную. «Женя. Учится в одиннадцатом классе». И пояснил: «Еще несовершеннолетняя». Они собирались в подполье вместе.

Из комнаты выбежала Ляля, увидела Гришу, замерла. В тот день он был одет в шелковую бордовую женскую кофту с вышитыми золотом узорами. И маленькую тубетейку на макушке. Такого Ляля еще не видела и тихонько приоткрыла рот. Гриша протянул ей «четки». Ляля просияла, сказала спасибо и тут же убежала обратно, показывать бусики Мите. А Митя не выходил – он боялся.

– Ты знаешь историю нашей любви? – спросил Гриша.

Я не знала. И за чаем Гриша все рассказал.

Женя пришла к нему в гости как раз в день его рождения. Поэтому она была для него даром судьбы. Она осталась у него на несколько дней. Но родители Жени не захотели, чтобы их девочка жила с Гришей в его квартире, и папа девочки с двумя своими друзьями пришли к нему и дали ему по морде, не сильно, а только чтобы попугать и чтобы он никогда больше не трогал их девочку. И забрали Женю с собой. Но на следующий день девочка сбежала от родителей, потому что понимания у нее с ними не было никакого, то ли дело с Гришей, так что Женя вернулась к нему...

Женя слушала историю своей любви беззвучно, отпивала горячий чай крошечными глотками, а Гриша отодвинул чашку, потянулся к Жене и начал целовать ей руки: «Мы как Ромео и Джульетта, сейчас ведь такого просто уже не бывает».

– Какого? – спросила я.

– Чистой любви, – Гриша опустил голову.

Я подумала: «От стыда».

– Ладно, пойду покакаю, – он встал из-за стола и строго посмотрел на нас. – А вы пока поговорите.

Гриша остановился, немного задумался, взглянул на Женю.

– Маша вообще-то хорошая, ты не смотри, что она такая грубая. На самом деле она настоящая христианка.

И он ушел в туалет.

Женя оказалась медленная и знала мало слов. Какие у нее были волосы, какие глаза? Непонятно. За что же она так понравилась Грише?

– Понимаешь, – говорила я в стенку над ее головой, потому что в глаза Женя все равно не смотрела, – он бросит тебя завтра, нет, послезавтра. Хорошо, через неделю. Ты думаешь, у тебя началась новая интересная волшебная жизнь, приключения, мальчик, любовь, похищение. Но ведь Гриша не мальчик, понимаешь? Он старше тебя в два, ровно в два раза. Ты девочка, но он не мальчик! Через год, да какой там год, гораздо раньше, ты поймешь, как все это ужасно. Он наркоман, ему на тебя наплевать, и ты, ты тоже станешь наркоманка... Куришь уже травку?

Боже, какой тупой вопрос.

– Так... – мотает головой девочка. – Иногда.

– И будешь наркоманка, – почему-то меня душили слезы.

Женя ничего не замечала. Она сидела спокойно и совершенно неподвижно, замороженно, спрятав руки под стол, опустив голову. Скоро они с Гришей уйдут, в подполье, а тут какая-то чужая тетка, старая, вон за стеной орут ее малые дети, говорит что-то неприятное, лишнее – зачем?

Но может, перед приходом сюда они уже покурили и ее молчаливость – естественное торможение после этого дела? Реакции ведь бывают разные. А возможно, Женя реагировала так всегда, на любую человеческую речь.

Ясно было одно – не зацепить. Ничем не выцарапать ее из этой комы, не растормошить никак. Скажи ей сейчас – твою маму убили. Только что ее зарезали бандиты. Ну и что? Посмотрит так же волооко, мотнет головой и все равно поедет с Гришей в подполье. Да какое там подполье – обычная квартира, слоящийся серым сумраком сквот, с отключенным электричеством, старыми шубами и пальто вместо одеял, с кухней, в которой только одна неразбитая чашка, зато мешков с мусором целая батарея, но вынести их ни у кого нет сил, царство безволия и украденного счастья, здесь висают на недели, месяцы, потому что «времени больше не будет». Но Грише, Грише первому же там не понравится, потому что Гриша любит комфорт, ну а я люблю Гришу, точнее, того, кто когда-то рассказывал мне про Христа. Кто тихо шагал впереди в поющей легкими ангельскими голосами темноте крестного хода, оборачивался, заботливо зажигал погасшую на апрельском ветру свечку, и круглая золотистая вспышка вдруг озаряла снизу юное, тонкое, полное неземной и действительно какой-то пьяной воздушной радости, такое родное лицо. Где он теперь? Где тот светлый юноша не в шутовской, не в женской, а в обычной, белой пасхальной рубашке? В какое подполье его упекли? Разве бывает преобразование наоборот, Господи? Когда, в какой миг это светлое, отражающее небо зеркало, душа человеческая, идет трещинами, корежится, теряет цельность, раскалывается на сотни неровных острых кусков? Женя, ты меня слышишь? Налить тебе еще чаю?

Гриша вернулся из туалета – спасибо за угощение, мы, наверно, пойдем. В подполье нам очень понадобятся деньги, дай сколько сможешь, Маша. Гриша произносит все это раздумчиво, неторопливо, и не успевает она подумать, что вот она и цель непонятого визита, как он снова повторяет: «Сколько сможешь». Смогла триста рублей, а еще банку дачного яблочного варенья и – против воли! – самую мою любимую открытку – Гентский алтарь. Много раз я думала, что если рай все-таки есть, то он именно такой, каким нарисовал его ван

Эйк. Сколько раз эта картинка утешала меня, отвлекала от ненужных мыслей. В самодельной рамочке из картонки она стояла в большой комнате, прислоняясь к черному собранию сочинений Достоевского. Была видна из коридора, Гриша заметил ее, когда шел одеваться, заметил и сразу начал просить. «Дай, пожалуйста». Гриша, это моя любимая! Не могу. Тогда он встал на колени, плюхнулся прямо на коридорный грязноватый половичок: «Дай, дай мне, пожалуйста! Умоляю тебя».

Девочка Женя сказала: «Ну что ты выпрашиваешь?» Застыдилась. Она же не знала, что такое «Гентский алтарь» и что существует на земле маленький город с домами в треуголках, а люди гоняют там по улицам на великах и могут смотреть на свой алтарь хоть каждый день. Правда, через толстое стекло. Но видно все же неплохо.

В коридор вышла Ляля, отдала Грише «бусики». Он снова повесил их на шею, банку и алтарь уложил в рюкзак и взял Женю за ручку.

Я провожала их до лифта, и ни один человек на земле не знал, а теперь вот – хобана! – узнают все – больше всего на свете мне хотелось попросить их негромко:

– Ребята. Возьмите меня с собой.

Я знаю, там плохо, там наркоманы, ну, но я и не буду курить и колоться тоже, я просто сяду в углу и буду сидеть, тихо-тихо, вжавшись в стенку спиной, укрыв ноги чем-то теплым и ветхим, и никуда не пойду, и ни с кем не буду разговаривать, только иногда скошу глаза на картинку с белой овечкой, освещенную мягким закатным солнцем, отчего-то мне всегда казалось, что свет не вечерний на ней – именно что вечерний. Только изредка полюбуюсь на нарядных, бородатых всадников, оседлавших белых коней, на острые башенки и красивых людей на зеленой-зеленой мягкой траве. Может быть, иногда схожу на кухню попить водички, и опять молчок. Я немножко там отлежусь, отсижусь, я совсем недолго, недолго проживу так, будто я одна и никого у меня нет, ни дочка Ляли, ни сына Мити, ни мужа Семена, никого. Будто я в этом мире совершенно одна. А потом я вернусь, честное слово.

– Не пришел еще? – заговорила панель знакомым лошадиным голосом.

– Не-е-ет! Где же он? Меня ждет на улице муж!

Но панель уже смолкла.

Сеня, да ведь я бы тоже не пошла ни к какому Грише, но просто мы же проезжали сейчас мимо Гришиного дома, когда еще здесь окажемся, и это подполье, мне хотелось убедиться, что все в порядке, что он уже дома и никакого подполья больше нет. Ведь сегодня ночью наступит Пасха, можно хоть одно-единственное хорошее дело совершить за этот Великий пост? Просто накормить человека обедом. Сеня вздохнул и согласился. Мы тут же позвонили Грише, он был дома, кажется, обрадовался, шутил и хохотал в телефон, да, да, пасхальную картошечку! А заказал всего-то ничего. Но Сеня сказал: «Как же так, еще рано роул-чизбургер, купи ему филе-о-фиш». Имея в виду, что в чизбургере мясо.

И все было бы правильно, конечно, филе-о-фиш, если бы дело происходило на земле, но Гриша давным-давно переехал на другую планету. Какой там «рано», какое мясо и законы гравитации, где он жил теперь, он и его друзья, его девочки? Существует ли на этой планете Пасха, тем более пост?..

Снова ударила подъездная дверь. Я припала к щели. К лифту приближался человек в синем комбинезоне и с чемоданчиком в руке – механик.

– Щас я вас освобожу.

Что-то звонко шелкнуло, и двери лифта с мягким гулом раскрылись.

Спасибо, спасибо, я уже бежала по лестнице наверх, скорее, к Грише, а потом к Сене, но сначала все-таки к Грише! Но из квартиры дохнуло ужасом, взяв пакет, Гриша перестал подсакивать, начал жевать картошку, его друг тоже потянулся к еде, и оба совершенно одновременно замерли, отвлеклись, впали в медленное жевание. Чмок в небритую щечку, с наступающим тебя, и ни слова о девочке Жене, о подполье, я и так все знаю – быстрее назад.